

Примадонна

Что может быть в наше время архаичнее оперы - самого искусственного из искусств!.. Пыльные кулисы, колышущиеся от сквозняка дворцы на заднике, плотоядные оперные дивы, развратно обтянутые ляжки упитанных теноров, шуты, принцессы, войска, чертенята, усталый поклон вспотевшего дирижера.

Давали новую постановку "Евгения Онегина", но я не верила, что меня смогут удивить, и была язвительна со своим кавалером-меломаном. Правда, в антракте фыркала уже меньше и даже не ела мороженое, а в сцене дуэли произошло ужасное - я разрыдалась. Белый фальшивый снег покрывал авансцену, синие ненатуральные сумерки клубились у кулис, но Ленский-Марусин упал как подкошенный от хлопка за сценой, а огромный Онегин-Лейферкус, бросивший пистолет, невероятно быстро метнулся через сцену - поддержать, но не успел. Скрипки вступили так, что стало непереносимо ясно - Ленский убит, причем сейчас, причем на моих глазах. Тут слезы превратились в поток и с каким-то монотонным дождевым стуком стали падать на бархат театральной сумочки. Кавалер-меломан загоразживал меня в ложе, участливо глядя на раскисающую тушь.

Что взять с эмоциональных женщин? Но мужчины плачут в опере не реже дам! С красными глазами, сморкающиеся в клетчатые платки, они с невиданной энергией пробраются за кулисы. Мужчина в этот момент похож на ребенка, который не успокоится и не уснет, если ему не досочинят к сказке счастливый конец. Они стоят у дверей артистической уборной, чтобы еще раз увидеть ее, и убедиться, что трогательная Виолетта не умерла от чахотки, Иоланта прозрела, а Татьяна Ларина раскисается в своей гордыне.

Поклонницы и поклонники провозжат певицу до выхода, а там снова аплодисменты, цветы, комплименты, благодарности, и так до машины. Потом едут домой - Николай за рулем, Галя рядом, иногда сзади мама с Андрейкой. Три года назад Андрейка был совсем еще малыш, и потому он не в счет. Три года назад в Галю Горчакову верили только муж да мама. Семья приехала тогда в Питер, чтобы Галя пела в театре. Она стала петь в Петербурге, потом в Лондоне, в Нью-Йорке, в Милане, в Сан-Франциско... В прошлом году Горчакова была удостоена звания "Лучшая певица мира 1994 года". А сегодня она, еще полчасика назад трагичная мадам Баттерфляй, едет домой со спектакля как примадонна Мариинского театра. Успех - со скоростью кометы. Творческая удача - как по волшебству...

Поклонников разочаровывать нельзя. Зачем им знать, что два года жизни Горчакова провела в салоне самолета Свердловск - Петербург? Она, молодая солистка Свердловского оперного театра, получившая приглашение на прослушивание в Мариинку, приезжала, чтобы показать новые партии. И слышала за спиной: "Приехала из Сибири покорять столицу" или "Вы, милочка, не способны петь Лизу, ведь нужно родиться на Мойке, чтобы понять "Пиковую даму". Возвращалась в Свердловск и выслушивала от главного дирижера: "Вы напрасно тайно ездите, я ведь все знаю о ваших неудачах". А в общезнании, когда она учила очередную партию, сосед сверху лупил по трубе и кричал Галиному мужу с остервенением: "Николай, уйми свою бабу!.."

- Галя, вы рисковали челом?

- В смысле, что не боялась крылышки обжечь? У меня мама - оперная певица, я в театре с шестилет - в мимансе. Всю жизнь только и наблюдала, как много в провинции талантливых людей и как быстро заедает их жизнь, очередь на квартиру, прибавка к зарплате. И почти у каждого был в жизни шанс, который не использовал.

Гергиев присматривался ко мне два года, а приглашение приехать на работу в Мариинский театр я получила, согласившись спеть главную партию в "Огненном ангеле". Это была совместная постановка с лондонским Ковент-Гарден. Мой педагог, познакомившись с партией, сказал: "Галя, откажись, это смерть!" Это очень



трудная партия для молодой певицы. Я могла спокойно голос потерять... Конечно, риск. Но это был мой шанс, я это чувствовала. Меня поддержал муж. Коля тоже певец, мы вместе учились в Новосибирской консерватории, он просто стал моим педагогом. Я верила и верю его мнению абсолютно. Работала как сумасшедшие. Жили в общежитии на улице Росси втроем с ребенком в двенадцатиметровой комнате. Хуже всего было то, что до нас в этой комнате жила арфистка и она целый месяц не могла забрать свою арфу...

- Когда ваша мать впервые отвела вас в театр, она отдавала себе отчет, что обрекает дочь на трудную судьбу?

- И никогда не было дома разговоров, мол, зачем тебе это надо, лучше верный кусок хлеба, иди-ка ты в медицинский... Мама меня поддерживала, а ее правила поведения в театре многое мне облегчили.

- Столичные театры в девятнадцатом веке раздирали интриги...

- Не могу сказать, я не жила тогда. И по мемуарам судить очень сложно - Кшесинская пишет, что никогда никого не захмимала, а Преображенская утверждает, что Матильда любую талантливую актрису держала на вторых ролях. Я, кстати, в Лондоне случайно познакомилась с ученицей Преображенской. Она рассказала, как обе эти великие русские балерины открыли в Париже на одной улице свои балетные школы. Но Кшесинская принимала детей богатых, а Преображенская - талантливых девочек из бедных.

Что касается интриг, то все злые слова и наветы в стенах театра не стоят той купели лжи, которая окружает театр. Вы знаете, что от Гергиева прячут некоторые питерские газеты, чтобы он не расстроился из-за какой-нибудь злой галиматии?.. Зачем стремиться ударили побольнее человека, который вытаскивает театр? Почему надо упрекать его в том, что он роется в пыли, в запасниках зарубежных театров?.. Неужели Петербург хочет для Мариинки судьбы Большого театра?

Кстати, именно в вашей газете один бойкий молодой человек написал обо мне, что Прокофьев перевернулся бы в гробу, услышав мое пение. Этот ценитель раньше служил в Мариинском осветителем...

- Ваше исполнение в "Огненном ангеле" принесло вам всемирную известность - за несколько месяцев вы выступили на крупнейших сценах мира в Европе и Америке. Успех русской оперной постановки многие сочли сногшибательным, ведь стало общим местом превозносить лишь отечественный балет.

- Русская опера десятки лет была "невъездной", и Запад, кроме "Годунова" и "Князя Игоря", почти не знает наших опер. Вот сейчас начали ставить "Пиковую даму" и "Евгения Онегина". Хотя я с трудом выношу попытки их модернистских интерпретаций. В "Онегине", например, главная декорация - желтое поле, посередине которого стоит диван. Татьяна бьется в припадках как безумная. Ольга в свои шестнадцать лет появляется на ларинском балу пьяная с бутылкой в руках, Ленский дает ей пощечину...

- Вам это не нравится?

- За рубежом существуют очень жесткие требования к языку оригинала - ни в немецком, ни во французском, ни в итальянском ошибаться нельзя. Существуют и строго контролируются стили пения, например тот же итальянский. По-русски же поют с безобразным произношением, а то, что крестьяне в усадьбе одеты на манер немецких бюргеров, режиссера-постановщика не смущает. Я вообще заметила, что у режиссеров на все один ответ: "Я так вижу..." Но даже в таком виде русские оперы имеют огромный успех. И я думаю: дожить бы до такого времени, когда это перестанет быть экзотикой. Когда и наш оперный голос будет так весом, что мы сможем сказать: "Так нельзя. Это не по-русски".

- Вам много приходится нянчиться с голосом из-за переизмов, смены климата?

- Я еще в юности, когда читала книги об искусстве пения, удивлялась: если все время помнить о голосе и связках, то можно и с ума сойти. И такие случаи бывали. Я где-то читала, например, что Козловский перед выступлением курил горло в шарф и три дня не разговаривал, писал жене записки. А старые итальянцы говорили, что петь надо так, чтобы дыхание при этом не колебало пламя свечи. Я не пробовала, может, когда правильно дышишь при пении, то пламя остается ровным. Но если специально стараться ради свеч-

ки...

- Вы привередливая партнерша?

- Я была бы счастлива, если бы удалось спеть с Тито Гобби, но, увы, он уже умер. Остались пластинки, кассеты, фильмы - кроме удивительного голоса, он был прекрасным актером. Это в опере редкость. Ведь многие партнеры во время спектакля даже не смотрят в глаза. Это, может, с галерки не видно, но я в такие минуты просто страдаю, когда на лице певца во время любовной сцены одно только мучительное размышление - как ему взять верхнюю ноту. Я видела в Ковент-Гарден мировую знаменитость, обладателя бесконечного множества записей, маститого Крауса - на сцене он был беспомощен, как пионер. Ничего, кроме красоты голоса...

- Неужели этого мало?

- Я, наверное, лет с двенадцати слушаю записи Пласидо Доминго. И меня всегда поражала наполненность его голоса. Вообще интеллект певца ощущаешь с первой минуты.

- По голосу? Интеллект можно выразить голосом?

- Высокий интеллект предполагает высоко воспитанную душу. Много страдала, вообще прошедшая некие стадии развития.

- Но ведь страдание можно сыграть?

- Не в ремесле дело. Можно научиться сценическому движению и системе Станиславского. Тем более что опера - самое зрелищное из искусств. У слушателей глаза разбегаются: гигантские декорации, костюмы, хор - солисту есть где спрятаться, если он беспомощен. Но голос, этот инструмент внутри певца, если он холоден и равнодушен - выдает его с головой.

- Ваш голос или драматический талант обратили на себя внимание Доминго?

- Мы тогда были с "Огненным ангелом" в Сан-Франциско, одновременно шел премьерный спектакль с Доминго в заглавной партии "Хиросидеа" - не известная у нас опера Массне. Обеими операми дирижировал Гергиев, он нас и познакомил. И вдруг на нашей премьеры ко мне за кулисы приходит Доминго. Он был со своей женой Мартой, которая наговорила кучу комплиментов. Меня они очень тронули. Доминго, кстати, не раз писал о жене просто вос-

торженные слова, что, не будь Марта, которая его "сделала", стала его педагогом, растворилась в нем, он никогда бы не стал столь известен. И все же - кто я рядом с ним? А он говорит: мы с вами запишем арии из опер. И его любимую "Мадам Баттерфляй".

- Вы постарались забыть это обещание или надеялись?

- Я всегда верила, что Бог меня любит. И в этом году мы встретились с Пласидо Доминго в "Тоске" в главном оперном театре Парижа - в Басти. Таков был его выбор. Конечно, он может выбрать, тем более что спектакль транслировался по радио на весь мир. Даже мои поклонницы-старушки здесь, в Питере, каким-то чудом слушали этот спектакль, поймав парижскую волну.

- Вы не разочаровались друг в друге?

- После спектакля дирижер и артистик-директор Басти благодарили меня: мадам Горчакова, мы давно не видели, чтобы Доминго так был раскрепощен, это влияние вашей игры... Хотя и нескромно, но я тоже считаю, что могу "завести" партнера. Может, оттого не люблю репетировать, берегу эмоции, как грозная туча копит электричество.

- А что сказал вам сам Пласидо?

- Сказал, что мечтает выучить Германа и спеть со мной "Пиковую даму", премьера которой назначена на 1999 год в "Метрополитен опера". Попросил помочь с русским языком. Я обещала.

- Галя, а вам не обидно, что в оперных столицах мира вас знают лучше, чем в родной стране?

- Конечно, обидно. Особенно когда сильно нахамят в магазине...

Если серьезно - я бы поехала в провинциальный театр, но не зовут. Боясь, что ли, что я запрошу шибко высокий гонорар? А может быть, есть иные причины. Мы не так давно ездили с мужем на родину. Конечно, зашли в Новосибирскую консерваторию. Кроме нашего педагога, нам никто не обрадовался. Просто "здрасте" и ледяные лица. Почему? Мы ведь отличники были, мне красный диплом помешало получить только нетвердое знание научного коммунизма, представляете? Зато здесь, в Питере, масса "доброжелателей" считает меня чем-то вроде деревенской певицы Фроси Бурлаковой.

- Странно, что вы даже говорите об этом, Галя...

- Почему странно? Обидно.

- ...ведь вы можете себя приписать уже к "гражданам мира". Уехать в теплую страну...

- Тогда сын уже не будет русским. Это во-первых. Во-вторых, несмотря на отсутствие поддержки, нелюбовь к гостям и эгоизм, мне нужен театр, моя театральная тушовка. В-третьих, я видела "их" проблемы. Менять шило на мыло? Меня смешат наши эмигранты, выставляющие на видное место, например, американский флаг. Они там все равно "второй сорт" - эмигранты наши с их коттеджами и автомобилями.

- Что вы будете делать, если у вас пропадет голос?

- Ну-у, не знаю... Каллас просто легла и умерла.

Мы шли переходами и бесконечными коридорами, выкрашенными в Мариинке радикально зеленой масляной краской, мимо футляров и ящиков для инструментов, спешащих людей, среди расстроенных звуков, скупавших по гармонии, и Галя Горчакова расскачивала, что все старые оперные театры - вроде нашего или "Ла Скала" - темные, грязные, не сравнятся с великолепием современной нью-йоркской "Метрополитен". А я шла и не могла отделиться от фантастически красивой картины - голос страдающей Тоски плывет над континентами, сжимая сердца печально. Вспомнились старые детские тесты - что бы вы сказали миру за минуту? А здесь не минута была, и она пела и сказала. Сказала так, что позволил Каррерас и пригласил петь с ним "Девушку с Запада" Пуччини. А Галя отказалась - не хочет она петь эту "Девушку".

И вдруг я перестала ощущать Галя Горчакову. Стряхнув свои мысли, подняла голову и поразилась происшедшей перемене. Красивая, высокомерная женщина стояла и с кем-то, улыбаясь, разговаривала. Играли брильянты. Норковая шубка небрежно закинута за спину. Я уже было открыла рот, чтобы сказать Гале, что она наступила на шарф с хвостами драгоценных зверьков, но остановилась. Передо мной игралась "с листа" роль примадонны, и, может быть, лишь шарф был домашней заготовкой...

Она кивнула мне милостиво.

Марина ГОНЧАРЕНКО
Фото Павла МАРКИНА